

Белоусова М.П., канд.соц.н.,
Социологический Институт РАН (СПб)

Демократия и правозащитные организации в экспертной оценке¹

Исходные позиции

В исследовании «Общество и власть: пути взаимодействия» использовался метод полустандартизированного интервью с экспертами. Слабая научная разработанность темы, отсутствие подобных реализованных исследовательских проектов, практикоориентированные задачи, стоящие перед исполнителями проекта, во многом обусловили специфику исследования. Анализ данных привел к формированию конкретных знаний, к постановке новых гипотез, требующих своей проверки уже в новых проектах. Получены ценные материалы для разработки инструментария дальнейших исследований. Непривычная масштабность может ставить под сомнение присвоение статуса «пилотный» к данному проекту, но слабо изученная предметно-объектная область проблемы и замысел авторов проекта позволяют нам оперировать этим термином в данном случае. Объектом исследования стали функционирующие акторы правового поля. Из фокуса исследования ускользнуло само общество: как потенциально нуждающиеся в защите прав граждане, так и граждане, имеющие опыт защиты своих прав через различные механизмы. Также суженой оказалась и предметная область – защита прав человека. Результаты проведенного анализа подтверждают необходимость исследования указанных тем.

Полученный в ходе исследования материал представляет разнообразные возможности направления анализа. Центральным направлением анализа для автора этой статьи стало **выявление качественных характеристик отношений субъектов правозащитного поля, т.е. выявление и типологизация аргументов и описаний экспертных оценок состояния, условий и тенденций развития взаимодействия акторов правозащитного поля.**

Под качественным анализом данных мы подразумевали нематематическую аналитическую процедуру обработки данных. Необходимость применения качественных методов обусловлена, прежде всего, слабой изученностью изучаемого феномена взаимодействия акторов правозащитного поля в регионах современной России. В выборе подхода качественного исследования мы

¹ Статья опубликована: Демократия и правозащитные организации в экспертной оценке // Общество и власть: пути взаимодействия. Межрегиональное исследование. / Под ред. Г.Л.Бардиер, А.Ю.Сунгурова. – СПб: Норма, 2005. С. 117-134.

ориентировались, прежде всего, на *точное описание* при проведении анализа и представлении своих результатов, то есть, предполагали проведение процедур отбора и интерпретации данных. Полагаем, что полученные теоретические описания могут быть использованы не только для объяснения реальности, но и для дальнейших практических действий.

При анализе данных использовалось открытое кодирование, предполагающее процесс разбивки, исследования, сравнения и категоризации данных. При этом отдельные феномены маркировались при помощи понятийного аппарата, проводилось сравнение по подобию и различию, ставились вопросы, способствовавшие как описанию, так и постановке гипотез о связи отдельных феноменов друг с другом. Открытое кодирование является аналитическим процессом, посредством которого понятия идентифицируются и развертываются, с точки зрения их свойств и измерений.² Применялось и осевое кодирование для более фокусированного раскрытия категорий с точки зрения условий появления феномена, свойств, контекста, возможностей и технологий воздействия и характеристик взаимодействия.

Автор статьи принял участие в проекте на этапе аналитической обработки полученных данных. В ходе анализа были рассмотрены вопросы взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти, роль бюджетного процесса в жизни региона, оценка политических процессов в период выборов и др. Но в этой статье нам хотелось бы представить аналитическое объяснение экспертных оценок демократии - сложного феномена и понятия, о сущности которого не затихают споры в научных и экспертных кругах разного рода. Представляется важным понимать на основе чего и как судит человек об уровне развития демократии и участии в этом региональных властей. Другая часть статьи посвящена презентации результатов исследования, которые касаются оценки правозащитных организаций – необходимого с точки зрения теорий демократии актора правозащитного поля, но в российской действительности вызывающего неоднозначную реакцию и оценку экспертов.

Как судят о демократии

² Страус А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001. С. 62

Один из вопросов, задаваемых экспертам, звучал следующим образом: что Вы можете сказать об ориентации региональной власти на демократические реформы и атрибуты гражданского общества?

Эксперты прежде всего отметили дискредитированный политическими практиками смысл понятия «демократия» и поставили под сомнение целесообразность его применения в политической риторике.

«Старые понятия, они консервативны. Вся демократия заключается во вседозволенности, что уже приводит к анархии во всех сферах жизни...»
«Слово «демократ» носит противоречивый характер, даже ругательский, ибо «демократы» отстаивают интересы не народа, а свои корыстные».

Следует учитывать в дальнейших исследованиях, что «демократия» может восприниматься респондентами как идеализированный образ социального порядка, как политический лозунг официальной государственной политики и деятельности, как маркер принадлежности тех или иных участников к «демократическим» силам, партиям и т.д. Часть вопроса, касающаяся «атрибутов гражданского общества» практически была проигнорирована отвечающими. На наш взгляд, нецелесообразно объединять эти два понятия в одном вопросе, особенно учитывая, что слово «демократия» уже обстоятельно закрепились в российской политической риторике и имеет длительную историю использования и подмены смысла, в то время как «гражданское общество», а тем более «атрибуты гражданского общества» еще не наполнены описательным содержанием.

Эксперты, приводя примеры, подтверждающие их точку зрения, часто апеллируют к заявлениям и высказываниям представителей администрации, как доказывающим аргументам. То есть, использование или игнорирование «демократического словаря» маркируется ими как значимый признак. Но смысловая оценка этих высказываний выносится на основе сравнения с действиями тех же лиц. На основе высказываний экспертов можно выделить две стратегии «игры со словами», в одном случае это **избегание демократического дискурса.**

«Ткачев вообще старается не произносить слова «демократ». Его суть – жесткий авторитаризм, (...) но под заказ Кремля – имитация движения к демократии».
«Ввиду сильного влияния коммунистической партии в области не принята демократическая риторика. Руководителями области также являются в подавляющем большинстве бывшие коммунисты, и у них не принято использовать демократический словарь. Власть говорит о порядке и законе, об их укреплении. К демократическим атрибутам в области относятся с опаской».

В другом случае, отмечается **использование слов о демократии для создания соответствующего имиджа**, демонстрируя при этом явный разрыв между риторикой и деятельностью.

«...И фразами демократическими оба лидера прикрываются...».

«Есть продвижение, но еще мы далеки от подлинной демократии. Слов больше, чем дела».

«Нет у нас демократии, есть словоблудие».

Анализ позволил выявить те признаки, которые, по мнению экспертов, свидетельствуют об ориентации региональной власти на демократические реформы и атрибуты гражданского общества. Мы получаем спектр таких показателей, на которых может быть основано мнение эксперта относительно рассматриваемого вопроса. К ним относятся:

1. Наличие /отсутствие/ темы прав человека в официальном дискурсе.

«...Полное отсутствие в риторике ссылок на права».

2. Эффективность системы защиты прав человека и работа над её совершенствованием.

«Не работают законы, прокуратура, суды. Нет уполномоченного по правам человека».

«Депутаты работают над правовой защитой граждан области, стараясь принимать необходимые законы для области».

3. Нарушение /соблюдение/ прав человека.

«Нарушаются права мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев».

«Права человека, как составная часть демократизма и гражданского общества, нарушаются, как со стороны исполнительной, так и со стороны представительной власти».

4. Толерантность или нетерпимость к инакомыслящим и проявление инакомыслия.

«...заявление губернатора о сопротивлении земельному кодексу с помощью вил, а также брошенный им лозунг «Инакомыслящих – вон с Кубани»

«Выступления политических деятелей не содержат критики, как это было в начале перестройки. Наблюдается крайняя вялость политической жизни»

«В регионе отсутствует разнообразие мнений, ставка губернатором делается на стабильность и порядок, которые достигаются единомыслием».

5. Принципы распределения бюджетных средств.

«Принятие депутатами областной Думы и подписание губернатором Курской области закона «Об областном бюджете на 2002 г.» – всем муниципальным образованиям были отданы собственные бюджеты».

«Губернатор на планерке в мэрии как-то заявил, что отдаст городские деньги в районы области».

6. Методы управления, распределение властных полномочий (степень «диктата» руководителя региона).

«Управление идет не системой, а желанием первого лица. Об этом свидетельствуют все назначения кадров (не из групп общественно-политических, а из интересов воюющих кланов, вопреки профессионализму и интересам Республики».

«...Не снижается. Судить рано. Но постепенно начинает повышаться уровень демократичности. Президент прислушивается к мнению других, свое может изменить».

«...при внешне демократическом фасаде региональной власти в реальных действиях преобладают авторитарные методы (...) областные власти активно «выкручивают руки» предпринимателям и предприятиям, добиваясь от них «добровольных пожертвований» на эти стройки».

«Регион тоталитарен. Любой чиновник при решении общественных дел ссылается на руководителей Администрации. Любое дело решается на высоком уровне. У любого чиновника в кабинете висит портрет губернатора».

7. Степень независимости местного самоуправления.

«Представители Президента РК в районах республики являются фактически хозяевами районов. Органы местного самоуправления полностью ими контролируются».

8. Практика правового /внеправового/ решения проблемной ситуации.

«По закону об МСУ «демократы» оппонировали через Конституционный суд».

«Власть создает и действует в рамках правового поля из года в год все больше, и именно с этим связано развитие демократии в (...) области».

9. Осуществление судебно-правовой реформы и показатели независимого судопроизводства.

«За два последних года в судах было принято несколько решений, не устраивающих власть. В том числе – по внесению изменений в избирательное законодательство».

«Идет судебно-правовая реформа в области. В области в одной из первых созданы мировые судьи».

10. Степень свободы слова.

«Несамостоятельность СМИ. Низкий уровень свободы слова в гражданском обществе».

«Нет свободы слова, опасаются за свое благополучие».

«Говоря о свободе слова с высоких трибун, в региональных СМИ публикуются только серые безликие материалы».

11. Возможности общественного участия, степень активности НКО, партнерские отношения власти и НКО.

«Реальные активисты неправительственных организаций находятся в изоляции. Власть не заинтересована в развитии третьего сектора».

«У общественности нет никаких возможностей в решении проблемных вопросов».

«Практически нет механизмов взаимодействия между властью и общественными организациями».

«Трудно достучаться до власти, даже попасть на прием».

12. Качество проведения выборов и отсутствие /присутствие/ механизмов контроля.

«Итоги выборов в органы представительной власти практически открыто фальсифицируются».

«... до настоящего времени не существует института контроля за выборами, которые раз за разом явно или скрыто фальсифицируются».

«Участие в выборной кампании в качестве члена участковой комиссии развеяло миф о демократии в стране».

«Последние выборы губернатора области в марте 2000 г. явились явным примером подтасовки голосования и включения «административного ресурса».

13. Наличие /отсутствие/ политических преследований.

«После убийства Юдиной в 98-м нет прямого преследования из-за политических убеждений. Во всем остальном демократией не пахнет и демократические институты не работают».

«За принадлежность к оппозиции увольняют с работы, поджигают жилье, распространение оппозиционной прессы на предприятиях нелегальное».

В ходе анализа нам показалось очень интересным понять - каким образом эксперты получают информацию о состоянии этой сферы, на основании чего можно судить об ориентации региональной власти на демократические реформы и атрибуты гражданского общества. Основываясь на анализе построения аргументов, мы увидели следующие источники:

А) Заявления официальных лиц.

«...заявление губернатора о сопротивлении земельному кодексу с помощью вил, а также брошенный им лозунг «Инакомыслящих – вон с Кубани».

«Любая суэта, любое высказывание власти о «коренном» и «некоренном» населении...».

Б) Действия (что делается и как делается), из них самым ярким примером может считаться проводимая кадровая политика.

«Вынужденный «добровольный» уход 15 избранных глав районов в отставку...».

«Кадровая политика нацелена на замену всех работавших при «прежнем режиме». Не всегда замена одних на других – лучший вариант».

«Повышается. Доказательства: во-первых, сокращение бюрократического аппарата, во-вторых, смелость кадровой политики, не боясь признания своих ошибок и оперативность в их устранении, в-третьих, смелость в решении прагматических задач, нужных республике».

«Благодаря привлечению молодых экспертов и специалистов в региональную власть ситуация изменится в лучшую сторону».

В) Личный опыт.

«Участие в выборной кампании в качестве члена участковой комиссии развеяло миф о демократии в стране».

Эксперты, чьи мнения были учтены в данном исследовании, не смогли подтвердить или опровергнуть гипотезу авторов программы исследования о том, что региональная власть может быть заинтересована в создании демократической видимости под «готовность получать западное финансирование».

«О готовности получать западное финансирование вряд ли что можно сказать определенное...».

«По западному финансированию – особо оно отсутствует».

«Про западное финансирование информацией не владею».

Как известно, не все регионы являются приоритетными для «западных» грантодателей, готовых выделять средства через государственные структуры. Возможно, эти средства не столь заметны на фоне бюджета края, области или республики. Средства, получаемые регионом через некоммерческие организации,

либо не учитываются экспертами, а, скорее всего, не увязываются с демократически направленными действиями региональных властей. Наконец, возможно, что в разнообразных повседневных и стратегических действиях региональных властей действительно трудно усмотреть политику «создания демократической видимости», а тем более прагматично ориентированную на возможность получения финансовых средств из-за рубежа.

Правозащитные организации и региональная власть

Мы посчитали важным в этой статье привести результаты анализа тех вопросов, которые касаются взаимодействия и сосуществования правозащитных организаций и структур региональной власти. Напомним, что полевая часть исследования проводилась в 2002 г., поэтому представленные аналитические результаты важны как одна из попыток осмысления этого вопроса, один из вариантов анализа социальной действительности. Мы считаем целесообразным использование этих материалов для дальнейших исследований, для сравнительного анализа, для рассмотрения отношений власти и правозащитных организаций в динамике. Учитывая повышение интереса в последнее время к некоммерческим организациям и правозащитным, в частности со стороны Администрации Президента РФ, выразившееся в заявлениях и действиях, можно ожидать изменения места и роли правозащитных организаций в государственной политике, что найдет отражение и в региональной действительности и в оценочных суждениях экспертов.

Не все эксперты считают возможным выделить среди существующих некоммерческих организаций правозащитные, не все эксперты знакомы или слышали о правозащитных организациях, считают их самостоятельным классом организаций.

«В классическом виде нет ни одной правозащитной организации, защищающей права всех граждан. Пока картина не ясна».

«Нет по существу правозащитных организаций. Местный менталитет – национальный, не позволяет работать правозащитным организациям».

«Сведений о правозащитных организациях нет».

При этом в отдельных ответах к правозащитным организациям относят и Комиссию по правам человека и Уполномоченного по правам человека и даже КПРФ. Очевидно, что в дальнейших исследованиях требуется разъяснение критериев отнесения объекта к правозащитной организации.

Итак, анализ показал, что взаимодействие региональной власти с правозащитными организациями эксперты оценивают по наличию /отсутствию/ одного /нескольких/ следующих признаков:

- создание совместных органов,
- проведение совместных мероприятий,
- регулярные встречи,
- материальная поддержка (финансы, помещение),
- информационная поддержка,
- реакция на предложения и замечания правозащитных организаций.

Один из видов политики, осуществляемой властью по отношению к правозащитным организациям можно обозначить формулой «свои - чужие». Происходит поддержка подконтрольных, иногда созданных при поддержке властей, лояльных организаций, иногда только формально имеющих отношение к правозащите. При этом уделяется большое внимание публичности взаимодействия.

«Поддерживает, конечно, «свои» правозащитные организации».

«... для показухи есть несколько «дежурных» правозащитных организаций, которые время от времени появляются в значимых властных структурах, как пример взаимоотношений между ней и организациями».

«...сколько там было людей, которых я в правозащитной организации вообще не видела. Откуда они появились? Эти люди теперь правозащитники. Они громко говорят, власть поможет им куда нужно приехать. Они поняли, что нужно создавать свои структуры, которые смогут задавить вот этих вот, чтобы их голос был не слышен».

Удобными для взаимодействия являются организации, созданные для поддержки граждан, пострадавших так или иначе от действий самого государства и патронируемые государственными органами: Советы ветеранов, афганцы, чернобыльцы, некоторые организации солдатских матерей, общества слепых и др. Нужно отметить, что некоторые из этих групп являются целевыми в утвержденных и финансируемых социальных программах, поэтому имеются бюрократические механизмы для работы с ними.

«Активная работа с основными общественными организациями, защищающими интересы членов этих организаций (Совет ветеранов, афганцы, чернобыльцы, солдатские матери и др.)».

«Чужие» правозащитные организации, по словам экспертов, подвергаются преследованиям. Причем, приведенные реальные примеры не ложатся в типологии, представляя собой очень разнообразные **формы давления**: клеветнические статьи в прессе, курирование со стороны ФСБ, отказы в регистрации и перерегистрации, ликвидация организаций, незаконное

задержание, финансовые преследования, вмешательство в текущую деятельность, угрозы.

«Все независимые некоммерческие организации, занимающиеся правами человека (национальных меньшинств) подвергаются преследованиям и давлению: клеветнические статьи в прессе, курирование со стороны ФСБ, отказы в перерегистрации и т.д.»

«Мне известно, когда одну молодую девушку, представительницу какой-то московской правозащитной организации, незаконно задерживали сотрудники милиции».

«В одной из ПЗО власть периодически вмешивается в процесс работы, объясняя это тем, что ПЗО в какой-то мере настраивает клиентов против действий власти».

«...В исключительных случаях может оказаться давление на руководителей ПЗО».

Один из примеров демонстрирует практику, при которой используются идеи представителей некоммерческой организации, проекты реализуются без инициаторов и ссылки на них³.

«На примере молодежных инициатив можно проследить технологию сотрудничества власти с ПЗО, многие молодежные инициативы или не были поддержаны властью или были реализованы, но без авторов или вдохновителей из НГО».

Эксперты указывают, что для описания характера отношений правозащитных организаций и власти необходимы дополнительные переменные. Поскольку сообщество правозащитных организаций не является однородным, характер отношения с властью зависит от типа организации.

«Нельзя все правозащитные организации оценивать одинаково, некоторые из них стремятся к конструктивному диалогу, другие – боятся власть, угождают перед ней, а третьи абсолютно все действия власти оценивают негативно»..

«В зависимости от той группы, к которой относится правозащитная организация. Скажем, «официальные правозащитники» (...) боятся острых проблем; другие же (...) находятся фактически в состоянии конфронтации».

«Разные – по-разному. Но почти все боятся. Одни открыто пресмыкаются, а кто-то пытается показывать зубки».

«Правозащитные организации, связанные с государством, естественно, не высовываются без команды. Неофициальные пишут отчеты, доклады, статьи...».

Характер взаимоотношений зависит и от сути решаемого вопроса. Как правило, наиболее лояльными отношения становятся в случае решения вопросов оказания материально-технической поддержки со стороны властей.

«Обращение с просьбой о льготах, материальной поддержке; представления рабочих мест, помещений».

«Чтобы получить поддержку и решение своего вопроса все общественные организации стремятся взаимодействовать с властью».

«Для проведения мероприятий, выпрашивания средств, помещений выгодно быть в хороших отношениях с властью».

³ Автору статьи из личной практики известны случаи, когда реализованные некоммерческими организациями проекты вносились в отчеты о проделанной работе отдела Администрации региона как результат собственной деятельности.

Приводятся примеры, когда конструктивное сотрудничество развивается при решении вопросов, представляющих проблему и для государственных органов.

«Конструктивное сотрудничество с правозащитными организациями в решении проблем вынужденных переселенцев».

Следующая указываемая переменная – уровень власти, с разными властными структурами отношения строятся по-разному.

«Например, с муниципальной властью наладились партнерские отношения, с региональной властью сложнее».

Протестное поведение правозащитных организаций эксперты связывают с «открытыми» проявлениями противостояния с властными структурами.

«...всегда открыто идёт против власти, если считает её действия неправильными и пытается объединить здоровые силы, которые действуют не по указке».
«Молодежные НКО открыто идут на гласность и конфронтацию».

Акты протеста находят отражение в публикациях и выступлениях в СМИ, пикетах, митингах, судебных жалобах, отчетах, докладах, аналитических материалах.

«Женсоветы, женские союзы подчиняются. Комитет солдатских матерей подаёт в суд на незаконные решения власти».
«Газета «Наш дом Саратов» (...) открыто пишут о коррупции, нарушениях в (...) деятельности».
«Публикации материалов о фактах нарушения властями прав человека – гражданских свобод – в газете «Советская Калмыкия сегодня».
«Иногда по радио «Свобода» слышу репортажи о тех или иных нарушениях прав человека в Калмыкии. Значит, некоторые критикуют».

Влияющей переменной является и конкретная ситуация, в которой предполагается взаимодействие. Эксперты отмечают изменение общей атмосферы доверия или тактики отдельных лиц в связи с состоявшимися фактами давления или преследования.

«После того, что сделали с (...) появилось чувство страха. До этого были и открытые выступления, и стремления к налаживанию партнерских отношений. Первая половина 90-х – период воркования. Власть не стремилась использовать правозащитные организации в политических целях, была довольна действиями правозащитных организаций против старой номенклатуры. Сейчас передел рынка сталкивает интересы. Край маленький, все друг на друга «натываются». Открыто против ПЗО власть не выступает, но отношение барско-плевое. Все, кто не работает на нее, все – быдло... Насколько одиознее идеологически была власть батьки Кондрата, настолько же бездарнее стали действовать эти, чувствующие себя временщиками. Но прямой ставленник Кремля будет еще хуже».
«В Комитете солдатских матерей работала, собрала материал, но не публикует, боится – был нажим – привод в милицию».

Активность организаций зависит и от периода цикла политической жизни региона, например, от выборов.

«Открыто выступают со своим мнением, а наиболее активны в период избирательных кампаний – чтобы поддержать кандидатов-правозащитников».

Обозначая тенденции развития взаимодействия правозащитных организаций и власти, эксперты одобрительно оценивают развитие партнерских отношений, как наиболее оптимального, конструктивного, необходимого для решения проблем стиля диалога.

«Наиболее продвинутые НПО известны своим стремлением к партнерству с властью. Но, как правило, они не встречают должного ответа».

«Эти отношения обусловлены политическим климатом, сложившимся в регионе. Все отношения стремятся на партнерский уровень».

«По закону они все независимы. Однако их стремление взаимодействовать с властью - для осуществления своих целей им нужно налаживать отношения с властью. Для общественных организаций нет смысла открыто идти против власти».

«По наиболее насущным вопросам – партнерство. Идти в противовес, вступать в конфликт не в их интересах. Если они будут идти в противовес власти, то их идеи не будут воплощаться в жизнь, а здесь поддержка власти немаловажна».

Постановка в ходе интервью конкретного вопроса о качестве взаимодействия правозащитных организаций в регионе с просьбой подтвердить свою точку зрения на наш взгляд продуктивно повлияла на ответы экспертов. Это сыграло положительную роль в ходе интервью, так как отвечающие условно говоря «вывели» правозащитные организации из общей массы некоммерческих. Также появляются попытки отделить настоящие («чистые», «классические») правозащитные организации от «искусственных».

«Практически нет ни одной чисто ПЗО. Решают свои внутренние организационные вопросы».

«Некоторые общественные организации искусственно «правозащитной» деятельностью поднимают свой рейтинг».

«Классических ПЗО нет».

«Нет у нас ни одной действительно классической правозащитной организации».

Многие из экспертов ответили, что ничего не знают о взаимодействии правозащитных организаций, либо никогда не слышали об этом. Это свидетельствует о недостаточной информированности части экспертов по этому вопросу. Объясняя это, эксперты утверждают, что по этому вопросу они не встречали «официальной информации», либо не сталкивались с этим в ходе деятельности или в повседневной жизни.

«Ничего об этом не знаю. Ко мне не обращались».

«Ничего официального о них не слышал».

«В республике ничего почти неизвестно о деятельности каких-либо ПЗО».

«...обычному жителю края, который не сталкивался явно с нарушением своих прав, например, мне, работа ПЗО почти не известна».

С другой точки зрения, правозащитных организаций слишком мало, чтобы говорить о взаимодействии, и они не доросли до этого как более высокой ступени развития.

«Они не созрели для совместных действий».

«Зачаточное состояние».

«Их мало для «трений» и конкуренции».

«Их слишком мало, чтобы ссориться между собой».

«Их очень мало, и говорить о степени их взаимодействия преждевременно. Их не видно и не слышно».

Скептическое отношение к правозащитным организациям тоже присутствует. Объясняется оно видимой с точки зрения экспертов дистанцией между их представлением о том чем и как должна заниматься правозащитная организация (защита прав человека, организация правозащитного движения) и теми действиями, которые демонстрируются реально: самозанятость, самообеспечение, участие в борьбе за финансирование.

«Примеров нет. Считаю, что правозащитные организации не выполняют свои функции и создаются ради создания».

«Получают гранты и живут сами по себе. Нельзя однозначно сказать, что «топят» друг друга, а на заседаниях, конференциях не слушают друг друга – перебивают, не приходят к единому мнению потому, что хотят только сами высказаться, ругая власть и ничего конкретного не предлагая».

«Каждый заинтересован в получении гранта – борьба проектов за финансирование – пример: ярмарка социальных проектов».

«Многие правозащитные организации имеют психологию где-то бизнесменов, что из любой удачной сделки можно иметь большие выгоды. Получение какой-то финансовой помощи для правозащитной деятельности многими из правозащитных организаций воспринимается как источник обогащения, не с позиции, что это нужно для развития правозащитного движения, а для того, чтобы получить личную выгоду. В Саратове (по количеству много), но по сути мало узких правозащитных организаций, занимающихся исключительно защитой прав граждан».

Другой критерий целесообразности существования и деятельности правозащитных организаций для экспертов – решение проблем. Нужно отметить, что этот критерий встречается в массиве данных достаточно редко.

«Не чувствуется их активности, чтобы решать проблемы, несмотря на Общественную Палату и общественный Совет. Если бы они на деле хотели добиться решения проблем, они бы взаимодействовали между собой».

«Никак не можем собрать НКО для решения общих вопросов (правовое регулирование, налогообложение и т.п.). Слабый, не скоординированный третий сектор».

Приближаясь к объекту анализа, эксперты подчас уходят от обобщений, указывая, что все организации разные. В таком случае приводится весьма распространенная типология, согласно которой организации делятся на созданные властью и служащие властным интересам и созданные по своей инициативе, демонстрирующие независимость от властных структур.

«Существуют две условно выделяемые группы ПЗО: во-первых, те, кто затрагивает в своей деятельности «острые вопросы» (...), во-вторых, все остальные, в том числе, высказывающие официоз».

«Поскольку, правозащитные организации у нас делятся на те, которые создала власть, и которые возникли из недр народа, они не могут взаимодействовать друг с другом, их собирают иногда».

«...как они относятся друг к другу, прежде всего, зависит не только от целей деятельности, хотя главная цель, в принципе, одна, а от нахождения их на той или иной ступеньке приближенности к местной власти: поднялся ближе – отношение к другим правозащитным организациям меняется и в ту, и в другую сторону – один стремится помочь и тянет вверх остальные правозащитные организации, другой – извини, дружок, наши общие пути различны. Хотя путь один – за права граждан».

Показателем взаимодействия (или отсутствия такового), по мнению экспертов, в большинстве случаев является совместное участие в проектах, на конференциях и других мероприятиях.

«Не знаю о каких-то совместных мероприятиях представителей правозащитных организаций».

«Принимал участие в совместных акциях, конференции и других ситуаций не замечал».

«Я всегда была за конференции, всегда пытаюсь участвовать, считаю, чем больше таких мероприятий, тем лучше».

«Сотрудничают в повседневной жизни, но, в основном, каждый на себя, оказывают помощь друг другу по поднимаемым вопросам и встречаются на общих конференциях и мероприятиях – говорят о проблемах, путях их решения, обмен опытом, вносят предложения для решения».

Другим основанием для оценки взаимодействия служит стремление или состоявшееся объединение организаций в общей структуре. В основном это оценивается позитивно, что отражает достаточно устойчивый и распространенный тезис о том, что создание единого рабочего или координирующего органа является эффективным основанием для взаимодействия. Поскольку рамки исследования не предполагали возможности задавать дополнительные вопросы экспертам, к сожалению, отсутствует дополнительная оценка условий такого объединения, обеспечения независимости организаций, представительности, критериев эффективности и т.д. Но в любом случае нужно учитывать, что объединяющий орган, наличие переговорной площадки, трибуны для выражения своего мнения, с экспертной точки зрения, и как мы полагаем в массовом сознании, может восприниматься как признак успешного взаимодействия различных сил.

«Отсутствие, каких-либо серьезных организаций ПЗО, объединяющего центра, отсутствие своего органа СМИ, не выражение своей позиции ПЗО по актуальным вопросам в СМИ».

«Хорошо ладят – есть стремление объединиться в организацию при органе власти – Общественную Палату».

«В целях объединения ПЗО ведется работа по сплочению и налаживанию совместных действий. Подготовлен Проект Положения о Координационном Совете. Намечена дата проведения конференции ПЗО».

Итоговые позиции

Нельзя было не заметить, что в 90-е годы в России при непосредственной помощи грантодателей была создана целая экономическая сфера – некоммерческий сектор. Были созданы рабочие места для людей, способных и желающих работать в социальной сфере, которые предпочли ее работе в школах и вузах, НИИ и государственных комитетах, коммерческих предприятиях. В череде таких новых НКО возникли и новые правозащитные организации, уже названием своим и объявленными целями претендующие на то, чтобы быть связанными с

российскими правозащитными традициями, историей диссидентства, стать членами правозащитного движения. Однако экономические реалии ставят свои условия – для того, чтобы работать эффективно, необходимо обеспечить место, заработную плату для постоянных сотрудников, создать необходимую техническую базу. И именно этот материальный процесс становится краеугольным камнем в оценке деятельности всех правозащитных организаций. Отчасти это происходит в следствие реальных злоупотреблений, распространенных случаев превалирования меркантильных интересов над интересами дела. Другая причина кроется в недостаточной эффективности деятельности организаций, а говоря русским языком в отсутствии видимой, ясной и явной полезности от работы правозащитников для населения. Во многом это обусловлено стратегией развития всего некоммерческого сектора в России 90-х годов, отразившейся в темах конференций, тренингов, проектов, очных и дистанционных обучающих программ которые касались **НКО и власти, НКО и СМИ, НКО и фандрайзинга...** Все, что касается самопрезентации и техники взаимодействия с внешним окружением освоено блестяще. Только другая сторона не рассматривалась столь пристально и системно – взаимодействие с населением.

Нельзя отрицать сложности такого направления работы, как работа с населением и для населения. Здесь мы сталкиваемся с укоренившимися практиками жизни и стратегиями выживания, когда человеку подчас проще перетерпеть и обойти правонарушение, заплатить взятку врачу и махнуть рукой на коррупцию, как на явление столь же укоренившееся, что и та «самая древняя профессия». Здесь трудно применить быстродействующие техники и изменить взгляды на роль человека в государстве, изменить дискурс «подчинения» на дискурс «свободы», пусть избегая, набившего оскомину в многочисленных дискуссиях термина «гражданское общество», но наполнить поведение и мышление людей признаками соотносимыми с подразумеваемыми идеалами. Понятно, что достижением таких результатов невозможно отчитаться за проект рассчитанный на год-полтора. Но осуществляя долгосрочный проект, стратегия которого будет заключаться в работе с населением, можно рассчитывать, что и основания для экспертных оценок будут глубже и разнообразнее, чем близость или отдаленность правозащитных организаций и органов власти.